

Е. Н. МОИСЕЕВА

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье рассматривается имперский дискурс Франции в последней трети XIX в. во взаимосвязи с дискурсом национализма. Внимание сосредоточено на изучении конфессионального фактора французской имперской пропаганды. Анализируются тексты журналиста Г. Шарма, посвященные колониальной экспансии Франции в последней трети XIX в., ее миссионерской деятельности в Африке и на Востоке. Актуализация подобных пропагандистских текстов позволяет лучше понять интеллектуальную культуру Франции после ее поражения в войне с Пруссией.

Ключевые слова: национализм, имперский дискурс, Франция, колониальная экспансия, религиозная пропаганда, католический протекторат.

В последние десятилетия тема национализма находится в центре внимания практически всех наук об обществе. Сегодня, однако, подчеркивается необходимость ситуационного подхода в изучении уже не национализма, а национализмов¹. К. Калхун считает, что национализм может принимать различные формы и измерения: «Национализм — это риторика, которая используется для озвучивания слишком многих вещей, чтобы его можно было объяснить одной теорией»². По его мнению, национализм имеет три измерения. Национализм как проект — это социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями. Национализм как способ оценки — это политические и культурные идеологии, утверждающие превосходство отдельной нации. Национализм как дискурс — это «производство отдельных разновидностей националистической мысли и языка в особых условиях и традициях»³.

В данной работе национализм рассматривается как «дискурсивная формация», как образ речи, мысли и действия. «Особыми условиями» для

¹ «С конца XVIII в. национализм находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономическим и социальным структурам». Андерсон. 2001. С. 75.

² Калхун. 2006. С. 36.

³ Там же. С. 32-33.

«производства» французского варианта дискурса национализма стали годы, последовавшие за поражением Франции во франко-прусской войне — последняя треть XIX в. В это время во Франции утвердился республиканский строй, и новая Республика взялась за строительство новой Империи. III-я Республика, приняв в наследство от предыдущих режимов колониальные владения, заимствовала и колониальные идеи, которым пришлось уживаться с великими демократическими принципами, унаследованными республиканцами от Революции 1789 г. Одновременное существование нации и империи привело к возникновению дискурса, обеспечивавшего единство этих двух противоположных систем отношений: нации как относительно гомогенного пространства прав, обязанностей и языка, и империи как принципиально гетерогенного пространства.

Учитывая важность ситуативного подхода в изучении националистического дискурса, необходимо обратить внимание на сам факт поражения Франции во франко-прусской войне в 1871 г. Французская нация была разгромлена зарождающимся немецким национальным государством. Националистические чувства были особенно уязвлены потерей Эльзаса и Лотарингии и провозглашением Германского государства в Версале. Это обусловило особую эмоциональность французской националистической риторики⁴.

Для Франции послевоенный период был связан не только со становлением новой республиканской формы правления, но и с не менее ответственным для правящего класса выбором внешнеполитического курса. Униженная, лишенная территорий страна столкнулась с необходимостью восстановления былого престижа. Р. Жирарде говорит о противостоянии во Франции в это время двух типов национализма: имперского и континентального. Одни видели будущее Франции на Африканском и Азиатском континентах, а другие мечтали о реванше над Германией и скорейшем возвращении потерянных Эльзаса и Лотарингии⁵. И сторонники колониальной экспансии, и её противники считали себя патриотами, использовали националистические призывы, оперировали концептом «нация». Без этого они не могли рассчитывать на поддержку в обществе. Язык национализма во Франции в рассматриваемый период не был монополией какой-либо одной группы, партии, даже политического спектра. Крайне правые, умеренные, радикалы использовали его и боролись за единоличное владение им.

⁴ К. Калхун считает, что «дискурс наций выражается в основном на языке страсти». См.: Там же. С. 27.

⁵ *Girardet*. 1966. P. 108.

Реваншистские настроения были очень сильны. «Мой патриотизм во Франции»⁶, — заявил лидер радикалов Ж. Клемансо на парламентских дебатах 31 июля 1885 г. Ф. Пасси — либеральный экономист и депутат парламента резко высказывался против «этих авантюр, дорогостоящих и бесплодных экспедиций <...>, против потери золота и крови Франции»⁷. Э. Дрюмон представил французскую экспедицию в Тунис как еврейскую авантюру, которая обрекла на смерть французских солдат⁸.

Колониальную политику обвиняли в том, что она материально ослабляла нацию, обезоруживала страну перед континентальной угрозой, велась в угоду Германии, способствовала враждебности Англии, мешала главной цели — возвращению потерянных провинций. На уровне парламента и в прессе колониальная политика подвергалась атаке. При таком положении сторонники колониальной экспансии были особенно заинтересованы в эффективной пропаганде колониальных идей и в успешном овладении языком национализма. Все пропагандисты колонизации, стремясь утвердить в обществе свои идеи, хотели они того или нет, становились участниками националистического дискурса. Э. Хобсбаум писал, что «национализм только тогда приобретал настоящую популярность, когда он подавался в виде “коктейля”, то есть в сочетании с другими идеями»⁹. Перефразируя Э. Хобсбаума, можно сказать: колониальная идея только тогда могла завоевать общественное мнение, когда она подавалась в «коктейле» с национальной идеей.

Целью данного исследования является анализ имперского дискурса Франции в его тесной взаимосвязи с дискурсом национализма в последней трети XIX в. Следует помнить, что, рассуждая о проблемах Французской империи, идеологи колонизации размышляли о конгломерате колоний, значительно отличавшихся друг от друга. Империя не была единым целым, так же как и имперский дискурс не являлся чем-то законченным и однозначным. Современники редко предавались отвлеченным размышлениям об империи. Гораздо чаще они были непосредственными участниками политических баталий, исход которых напрямую зависел от их риторического мастерства.

Более пристальное внимание будет сосредоточено на изучении конфессионального фактора как важной составляющей цивилизаторского аргумента в пользу колониальной экспансии. Меня интересует,

⁶ Цит. по: *Girardet*. 1966. P. 108.

⁷ *Ibid.* P. 112.

⁸ См: *Drumont*. 1886. Т. 1. P. 477-478.

⁹ *Хобсбаум*. 1999. С. 240.

как идеологи колонизации использовали националистическую риторику в своих пропагандистских выступлениях, как обосновывалась польза миссионерской, в частности, католической деятельности на Востоке и в Африке для такой страны как Франция, какие аргументы выдвигались в защиту католической пропаганды на Востоке, какие задачи ставились перед миссионерами? Как, в конечном итоге, уживались конфессиональная и национальная риторика во французском имперском дискурсе? В данном исследовании я не собираюсь давать оценки идеям французских публицистов с позиций этики, прогресса, или политической конъюнктуры, а буду описывать их, признав, что идеи в строго эпистемологическом смысле не могут быть ложными. Они извлечены из опыта и являются субъективным отражением действительности (применительно к нашей теме исследования, колониальной действительности).

Представляется бесспорным тезис М. Ферро о том, что одна из специфических черт эпохи империализма — «народная поддержка экспансии», а «империализм — общественный феномен»¹⁰. Действительно, одной из причин длительного существования империй является наличие имперского сознания и его тесная связь с национальным сознанием. В колониальной истории Франции есть красноречивые примеры, подтверждающие этот тезис: вспомним ту относительную лёгкость, с которой Франция в XVIII в. отдала Канаду и отказалась поддержать завоевания Дюплекса в Индии. Не является ли это свидетельством того, что во Франции того времени в обществе еще не было того самого «имперского сознания», о котором писал Ферро? И напротив, тяжелое и кровавое расставание с Алжиром в XX в. говорит о том, что в своё время элита смогла навязать обществу представление об Алжире как об «Африканской Франции» и внушить французам, что защита интересов Франции в Алжире — патриотический долг каждого гражданина республики.

Исследуя причины колониальной экспансии европейских держав в Новое время, историки уже в середине XX в. обратили внимание на то, что имперские проекты не были экономически обусловлены, а были вызваны именно националистическими, политическими интересами¹¹. Д. Белл предполагает, что благодаря «исключительному чувству миссии

¹⁰ *Ferro*. 1994. P. 31.

¹¹ См.: *Brunschwig*. 1960; *Girardet*. 1966. Исследователи европейского национализма Ж.-К. Карон и М. Верну считают, что раздел Азии и особенно Африки после 1880 г. «есть следствие того, что Европа была разделена на конкурирующие нации», а «европейский национализм вышел из европейского пространства, чтобы распространяться по всей планете». См.: *Caron, Vernus*. 1996. P. 399-400.

и цели» французский национализм с конца XVIII в. и до середины XX в. обладал «особенным характером и сверхъестественной энергией»¹².

В 2005 г. издатели журнала *Ab Imperio* обратились к вопросу о взаимосвязи европейских империй и национальных государств, сформулировав тему так: «Языки самоописания империи и наций»¹³. Британский историк Э. Томпсон, исследуя язык империализма в Великобритании, говорит о важности осознания взаимовлияния и взаимосвязи национального и имперского дискурсов в эпоху «параллельного существования империй и национальных государств», о тесном переплетении определений «нация» и «империя» в конце XIX – начале XX в.¹⁴. Джейн Бурбак и Фредерик Купер считают неоправданным противопоставление империи национальному государству, так как каждый из этих типов организации государственной власти может принимать формы, свойственные другому, и «ни один тип политики не связан однозначно с демократией как руководящим принципом»¹⁵, а «тирания была и остается возможной как в империях, так и в национально гомогенных государствах»¹⁶. Авторы считают, что историческое многообразие и долговечность империй «ставит под сомнение саму идею о естественности и неизбежности национального государства»¹⁷.

Однако, французские исследователи колониальной истории Н. Бансель и П. Бланшар считают, что «Колониальная Республика», какой была Франция — это «ужасный гибрид», так как состоит из противоположных понятий. Они считают утопией «республиканскую империю», так как республиканские мечты о цивилизаторской миссии на деле сопровождались массовыми убийствами¹⁸. Во Франции не прекращаются споры о колониальном прошлом, но если в начале XX в. французские историки восхваляли империю¹⁹, то в начале XXI в. растет число тех, кто, по меткому выражению М. Ферро, пишет «Чёрную книгу» колонизации, то есть сосредоточивает своё внимание на ее негативных аспектах²⁰. Нередко даже ставится знак равенства между колониализмом

¹² Bell. 2001. P. 214-215.

¹³ См.: *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории...

¹⁴ Томпсон. 2005. № 2. С. 21-62.

¹⁵ Бурбак, Купер. 2007. № 4. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 55, 57.

¹⁸ Bancel, Blanchard, Vergès. 2003. P. 11.

¹⁹ Histoire des colonies françaises...; Hardy. 1937.

²⁰ Le livre noire du colonialisme XVI–XXI siècle...; Vergès. 2001; Olivier Le Cour Grandmaison. 2005.

лизмом и тоталитаризмом²¹. Б. Стора за более нюансированный подход. Он считает, что изучать необходимо не французскую колонизацию, а различные варианты французской колонизации²².

Если идеальное национальное государство провозглашало общность и равенство всего населения, а идеальное имперское государство тяготело к подчеркиванию различий, то, по всей вероятности, «гибрид», каким, по мнению Н. Банселя была Франция, для того, чтобы выстоять должен был выработать некую идею, поддерживающую здание Империи, и в то же время не противоречившую республиканским принципам. Такой идеей стала «цивилизаторская миссия».

Идея цивилизаторской миссии Франции в мире приобрела в период правления республиканцев новое звучание. Термин «цивилизаторская миссия» появился в Европе в эпоху Просвещения и, начиная с 1789 г. стал ключевым словом колониальной Франции²³.

Чувство европейского превосходства утверждалось на протяжении Средних веков и Старого режима и, по мнению Ж.-К. Карона и М. Верну, было основано на христианстве, аристотелизме и платонизме²⁴. По мнению Н. Банселя, идея «цивилизаторской миссии» делала колониальное завоевание III Республики легитимным²⁵. Благодаря «цивилизаторской миссии» Республика выглядела «великодушной» по отношению к колонизируемым народам, ведь она взяла на себя обязательство освободить народы и нести варварам и дикарям идеалы Разума, Свободы, Просвещения и Прогресса. Но, как справедливо замечает Н. Бансель, цивилизаторская миссия имела еще одну цель — «покорить» (*asservir*)²⁶ колонизируе-

²¹ Жан-Фредерик Шоб считает, что говорить о пользе европейцев в Африке и Азии (транспорт, здравоохранение, образование) то же, что рассуждать о пользе фашизма, который покончил с безработицей, нацизма, который построил автобаны, сталинизма, который индустриализировал Россию. См.: *Schaub*. 2008. P. 627.

²² См.: *Stora, Hémerly*. 2007.

²³ *Ageron*. 1978. P. 62. Идея цивилизаторской миссии была тесно связана с мифом о национальной исключительности Франции, как о стране с богатой культурой, идеалами эпохи Просвещения, а также с мифом о превосходстве Западной цивилизации в целом над остальными народами мира. «Белый человек верил в свою миссию», — писал А. Руссио. См.: *Ruscio*. 1995. P. 93.

²⁴ Это чувство выражалось следующей формулой: «Земля — центр Вселенной, Европа — центр Земли». См.: *Caron, Vernus*. Op. cit. P. 8. Европоцентризм в середине XIX в. выражал уже не географические взгляды, а скорее определенное мировоззрение. Его сущностью было представление о Западной Европе, как о некоем «оазисе разума и цивилизации во мраке язычества и дикости». См.: *Ерофеев*. 1977. С. 182.

²⁵ *Bancel, Blanchard, Vergès*. 2003. P. 45.

²⁶ *Ibid.* P. 71.

мые народы, поставить их на службу Франции. Этой цели вполне могла служить миссионерская деятельность. В век Империй (1875–1914) колониальная экспансия вновь, как и в начальный период европейской колонизации оказалась тесно связанной с миссионерством²⁷.

Среди лиц, заинтересованных в колониальной экспансии особенно быстро росло осознание ценности и важности миссионерской деятельности для Франции. Однако в светском государстве, которое проводило активную антирелигиозную пропаганду внутри страны, рассуждать о религиозной пропаганде в колониях было непросто. В Африке, в Индокитае длительное время существовали католические миссии, но нужны ли они Республиканской Франции? Какую выгоду будет иметь французская нация, строящая колониальную Империю, от миссионерской деятельности? На эти вопросы нужно было найти ответ.

В годы II-ой Империи маркиз де Шасслу-Лоба (министр морского флота с 1859 по 1867 гг.) и Франсис Гарнье (офицер, географ, исследователь) внесли значительный вклад в разработку колониальной идеологии, поставив акцент на цивилизаторскую миссию Франции. Они видели будущее Франции на Дальнем Востоке в Индокитае. Шасслу-Лоба писал, что там необходимо установить «нашу христианскую цивилизацию», чтобы уничтожить существующие там жестокие нравы. Ф. Гарнье призывал нести «факел цивилизации» в «глубокую тьму Аннама»²⁸. Самым известным писателем, прославлявшим в годы II-ой Империи колонизацию, был Люсьен-Анатоль Превос-Парадоль. Этот либеральный мыслитель и политический деятель — противник императорского правления Наполеона III, был горячим сторонником колониального расширения Франции и строительства Средиземноморской Империи. Для него колонизация была средством увеличения роли Франции в мире. Он мечтал о

²⁷ М. Ферро отмечал, что колониальная экспансия и миссионерская деятельность взаимопроникают в XVI–XVII вв., но в эпоху империализма произошло перемещение акцентов; «христианизация отождествляется теперь с обязанностью цивилизовать, так как цивилизация может быть только христианской». *Ferro*. 1994. P. 27. Исследуя феномен европейского империализма, Э. Хобсбаум пишет, что «миссионерство отнюдь не являлось проводником империалистической политики, однако сами успехи миссионерского движения зависели от империалистической экспансии». *Хобсбаум*. 1999. С. 105. Р. Жирарде отмечает, что первое десятилетие после войны 1870 г. характеризуется всплеском миссионерской активности и созданием новых религиозных конгрегаций. См.: *Girardet*. 1972. P. 65-66. Ж. Пиррот пишет, что «Европа в XIX в. жила под флагом миссионерства, и миссионерская деятельность реализовывалась ежедневно, особенно в ходе модернизации традиционных культур» (*Pirrot*. 1982. Цит. по: *Стереотипы в общественном сознании...* С. 35-36).

²⁸ Цит. по: *Girardet*. 1972. P. 48-49.

том дне, когда французы, стеснённые в «африканской Франции» (так называли Алжир), придут в Марокко, Тунис и создадут «Средиземно-морскую Империю», которая должна была стать источником французского величия в мире²⁹. Североафриканский регион считался территориальным продолжением Франции, колонизацию в этом регионе рассматривали как расширение национальных границ. Деятельность Франции в Северной Африке представлялась как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами³⁰. «Французы, — писал известный экономист и автор труда «Колонизация у новейших народов»³¹ П. Леруа-Больё, — настоящие последователи римлян в Африке»³².

С 1879 по 1885 г. серию статей о колониальной политике написал французский публицист Г. Шарм (1850–1886)³³. С 1874 по 1879 г. он был одним из редакторов *Journal des Débats*, активно сотрудничал с *Revue des Deux Mondes*. Он много путешествовал по Турции, Египту, Марокко. В своих статьях он продолжал развивать идеи Л. Превос-Парадоля о необходимости создания Средиземноморской империи.

Заботы о ранге Франции в мире, о восстановлении престижа после поражения во франко-прусской войне волновали Г. Шарма и заставляли его вновь и вновь обращаться к теме французской экспансии. «Спасение нашей страны, я повторяю это, в колониальной политике»³⁴, — писал он. Г. Шарм рассматривал захват колоний в контексте обеспечения экономических и стратегических интересов государства. Его статья «Колониальная политика» — это серьезное исследование, посвященное теоретическим и практическим вопросам колонизации, где затрагиваются экономические проблемы и вопросы управления колониями.

Пропаганда экспансии — основная цель статьи. Как националистическая риторика помогала ему в этом? Прежде всего, Г. Шарм опирался на националистические чувства людей. Достаточно было несколько броских образов, доходящих до сердца, напоминаний о великой коллективной вере, или обращение к исторической памяти, чтобы приобщить людей к своей идее. «Наши предки галлы, не они ли прошли

²⁹ *Prevost-Paradol*. 1869. P. 418-419. О Превос-Парадоле см.: *Guiral*. 1955.

³⁰ Эту идею в *Revue des Deux Mondes* отстаивал Г. Боасье в статьях «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису». См.: *Boissier*. 1894. T. 121. 15 janv.; *Boissier*. 1894. T. 121. 5 févr.

³¹ *Leroy-Beaulieu*. 1874.

³² *Leroy-Beaulieu*. 1881. P. 125.

³³ См.: *Charme*. 1879; *Charme*. 1883a; *Charme*. 1881; *Charme*. 1882; *Charme*. 1883c; *Charme*. 1883d; *Charme*. 1883b.

³⁴ *Charme*. 1883d. P. 90.

всю Европу, оставляя повсюду свои следы, <...> распространяя свои колонии до самой Азии?»³⁵ Яркий образ воинственных галлов будоражил в человеке воспоминания о событиях, хранимых веками. Это было достоянием большинства, основой нации, даже если она не осознавала этого. Согласно К. Калхуну, «национализм черпает значительную часть своей силы из феноменологического переживания простых людей, что их нации всегда существовали»³⁶. Г. Шарм, приводя в статье о колониальной политике пример галлов, опирался на давние этнические идентичности своих читателей. И потому с полным правом можем считать его носителем не только колониальной, но и националистической идеологии (при этом он являлся еще и сторонником либеральных принципов в экономике). Сложное сочетание националистических, либеральных и империалистических настроений было характерно для политических элит многих европейских государств, Г. Шарм не был исключением.

Ощущение принадлежности к группе галлов возникало у читателей в определенном контексте, в данном случае — в колониальном. Экспансионизм галлов должен был вызвать к жизни современный экспансионизм французов. Г. Шарм убеждал соотечественников в том, что они обладают некими «колониаторскими способностями» (*le génie colonisateur*)³⁷. Что это такое, автор не объяснил, но, вероятно, его понимали и так. Речь шла об определенных чертах национального характера, которыми наделяли себя сами французы. О французском характере писал еще Вольтер в статье «Француз» для «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера³⁸. Вопрос о том, есть ли у французов «колониаторские способности», не был праздным. Убедить нацию в наличии у нее этих способностей, значило пробудить интерес к колониальной экспансии. В 1891 г. вышла книга Л. Дешама, в которой он попытался изучить отклики на колонизацию в обществе с XVI по начало XIX в. Главный вопрос, который интересовал автора — имеют ли французы «вкус к колонизации», и отвечает или нет колониальная политика национальным чувствам³⁹. Дешам пришел к выводу, что «французская нация всегда интересовалась колониями и колониальными предприятиями»⁴⁰.

³⁵ Ibid. P. 51.

³⁶ Калхун. Указ. соч. С. 75.

³⁷ Charmé. 1883d. P. 57.

³⁸ Пименова. 2008. С. 102.

³⁹ Deschamps. 1891. P. 9.

⁴⁰ Ibid. P. 379.

Г. Шарм считал, что «здоровый политический смысл и требования экономического порядка» толкали Францию к колониям, но для ведения успешной колониальной экспансии мало энтузиазма отдельных личностей, необходима последовательная государственная колонизация⁴¹.

Он предлагал правительству сделать действенным инструментом влияния Франции на Востоке и в Африке католические миссии, создать «католический протекторат». Под католическим протекторатом он понимал официальную поддержку государством французских католических миссий везде, где бы они ни были. В Республике парламентского типа, какой была III-я Республика, Палата депутатов то и дело сбрасывала кабинеты министров и препятствовала, по мнению Г. Шарма, планомерному развитию колониальной экспансии. «С какой же слепотой парламент отказывается признать, что религиозная пропаганда способствует прогрессу колонизации»⁴², — писал журналист. «...Наше влияние и наш престиж распространяются на религиозном фундаменте»⁴³.

Г. Шарм призывал учиться у англичан, правительство которых поддерживало протестантские миссии, а те, в свою очередь, платили ему той же монетой. Пропаганда протестантов «скорее английская, чем религиозная <...>; их главная цель — служение Англии». Иезуиты же и другие члены французских католических конгрегаций «принадлежат, прежде всего, церкви и своему ордену...»⁴⁴, поэтому они распространяли свою веру, но не французское влияние. Для Шарма христианское влияние было составляющей цивилизационного влияния. Г. Шарм призывал учиться колонизировать также у России, сравнивая католический протекторат Франции в Средиземноморье с православным протекторатом России в Сибири⁴⁵. Россия, по мнению Шарма, в отличие от Франции, умела использовать ту «моральную силу», какой являлась религия. Франция же зачастую сворачивала деятельность католических миссий, так как позиционировала себя как светская страна, борющаяся с клерикализмом. Но Г. Шарм считал, что можно было оставаться антиклерикалом в метрополии и защитником католических миссий в тех странах, где Франция намеревалась распространять свое влияние. Можно было про-

⁴¹ *Charme*. 1883d. P. 58.

⁴² *Ibid.* P. 63.

⁴³ *Charme*. 1883b. P. 762.

⁴⁴ *Ibid.* P. 763.

⁴⁵ *Ibid.* P. 790. Учиться колонизировать у России призывал французских политиков и П. Леруа-Болье. Он писал, что североафриканский регион для Франции — это то же, что Сибирь для России. См.: *Leroy-Beaulieu*. 1884. P. 282.

водить светскую политику внутри страны и использовать религиозную пропаганду в качестве действенного средства колонизации. Таким образом, Г. Шарм пытался доказать французским политикам, что поддержка католических миссий государством не противоречила интересам французской нации, а напротив, способствовала росту ее престижа в мире. В итоге все его рассуждения упирались в идею величия Франции⁴⁶.

По мнению Шарма, «французские и католические интересы на Востоке неразрывно связаны, и невозможно поколебать одни, не поколебав другие»⁴⁷. Если в самой республиканской Франции национальные интересы не совпадали с религиозными интересами, то на Востоке, они были едины. Туземцы должны были считать всякого француза католиком, а всякого католика — находящимся под покровительством Франции. Если в метрополии складывался образ Франции — носительницы великих принципов Революции 1789 г., то в колониях, по логике Шарма, Франция должна была оставаться Старшей дочерью католической церкви.

П. Леруа-Болье, чьи идеи, бесспорно, оказали на Шарма большое влияние, писал, что в «деле колонизации варварских народов религиоз-

⁴⁶ После поражения в франко-прусской войне столь многочисленные рассуждения о величии нации не являлись всего лишь демагогией. Националистическая риторика служила важным средством национального подъема общества. Как внутренняя, так и внешняя политика правящей республиканской партии была направлена на сплочение нации, её мобилизацию с целью укрепления могущества государства, повышения его престижа на международной арене. Обладание колониями как раз и стало для европейских наций фактором престижа. Влиятельный публицист Ш. Лаволе еще в 1863 г. писал, что процветание, политическое влияние многих наций напрямую зависит от выгодного расположения заморских территорий, которыми они обладают. Борьба за преобладание в мире переместилась далеко за пределы Европы, а вопрос величия стал вопросом обладания колониями: «...придет время, когда нация, не имеющая своих колоний в Азии и Америке (Африка в 60-е гг. XIX в. еще не была объектом пристального внимания европейских держав. — Е. М.), будет неполной нацией (*nation incomplète*)». См.: *Lavollée* 1863. P. 888. В 1882 г. в предисловии к книге «Тунисское предприятие» Ж. Ферри написал: «Великая страна, чья географическая позиция, интересы и надежды тесно связаны со всем европейским движением, чье могущество не просто континентальное, но средиземноморское, не смогла бы вновь закрыться в губительной изоляции и систематическом бездействии». Чтобы стоять в одном ряду с великими державами, такими как Великобритания, она должна была непрерывно наращивать свои территориальные владения: «...держась в стороне от всех европейских комбинаций, рассматривая как ловушку, как авантюру любую экспансию в Африку и на Восток, жить таким образом для великой нации <...> — значит отступить и через какое-то время, более короткое, чем вы можете предположить, спуститься с первого ранга на третий и четвертый». См.: *Ferry*. 1893-1898. Т. 5. P. 521-522.

⁴⁷ *Charme*. 1881. P. 775.

ная пропаганда — одно из самых мощных средств воздействия, а главным врагом нации является антирелигиозный фанатизм»⁴⁸. Ж. Ферри, выступая перед палатой депутатов 29 июля 1885 г., одним из аргументов в пользу колониальной экспансии выдвинул цивилизаторский аргумент. Он утверждал, что существуют «обязанности» высших рас по отношению к «низшим». В этой речи он не говорил о религиозной пропаганде, но сумел справиться с главным противоречием во французской колониальной идее со времен Великой революции 1789 г., а именно проблемой соотношения принципов Свободы, Равенства и Братства с практической колониальной деятельностью. Ж. Ферри отвечал своим противникам, что «Декларация Прав Человека была написана не для Чёрных в Экваториальной Африке», а потому нельзя до конца поддерживать тезис, построенный на «равенстве, свободе, независимости низших рас»⁴⁹.

Г. Шарм не делал таких заявлений, но, судя по всему, придерживался подобных взглядов. «В деле колонизации нет принципов, вернее есть только один — следовать поставленной цели»⁵⁰, — писал он. Для того, чтобы завоевать Конго, Тонкин, укрепиться или восстановить свой престиж на других территориях «недостаточно блестящих колониальных проектов и нескольких миллионов для их реализации», — считал Г. Шарм. «Нужно использовать любые средства, извлекать пользу из любой деятельности»⁵¹. Г. Шарм рассматривал заморские приобретения Франции в качестве составной части французской национальной территории и считал, что Франция должна была переносить туда свои законы, язык, цивилизацию. Католические миссии должны были стать действенным орудием распространения французской цивилизации⁵². Ни много, ни мало, он видел цель Франции в «моральном завоевании мира»⁵³.

Главной целью миссий должна была стать подготовка туземного населения к контактам с французскими коммерсантами. «Деловые отношения очень неустойчивы, если они не подкреплены моральными отношениями»⁵⁴. Экономический аргумент в пользу экспансии всегда

⁴⁸ *Leroy-Beaulieu*. 1882. P. 671.

⁴⁹ Речь Ж. Ферри перед Палатой депутатов 29 июля 1885 г. Цит. по: Jules Ferry. 1996. Т. 2. P. 318.

⁵⁰ *Charme*. 1883b. P. 761. В этой фразе скрывается намек на известную фразу Робеспьера по поводу колоний: «Да погибнут колонии во имя принципов». См.: *Meyer, Tarrade, Rey-Goldzeiguer, Thobie*. 1991. P. 289.

⁵¹ *Charme*. 1883b. P. 761.

⁵² *Ibid.* P. 763.

⁵³ *Ibid.* P. 791.

⁵⁴ *Ibid.* P. 764.

больше воздействовал на французскую буржуазию, чем высокие слова о цивилизаторской миссии, и Г. Шарм вновь и вновь доказывал необходимость поддержки католических миссий. Даже не имея должной поддержки, миссионеры, по его словам, делали огромную работу. Сам он был неверующим, но преклонялся перед деятельностью миссионеров, которую считал патриотической. Если бы они ограничились одной христианизацией туземного населения, возможно Г. Шарм не был бы столь горячим их защитником. Более всего он ценил образовательную и врачебную практику французских миссионеров и называл их «легионом мирных завоевателей»⁵⁵. Он считал, что обучение французскому языку — одна из приоритетных задач миссионеров. Он вспоминал свою встречу в пустыне недалеко от Мертвого моря с бедуинской женщиной, которая бегло говорила по-французски. Ее научили этому сестры одного из католических орденов. «Служба, которую сослужили Франции эти никому неизвестные в Европе сестры, огромна»⁵⁶, — писал Г. Шарм. «Повсюду, обучая языку, они прививали любовь к нашей нации»⁵⁷. В Триполи он встретил богатого мусульманского торговца, который сожалел о закрытии миссии, после того, как были убиты миссионеры. «Нет больше никого, кто лечил бы наши болезни»⁵⁸, — сказал ему этот торговец. Так ли искренни были его слова? Судя по тому, что миссионеров убили, далеко не все их любили. Но изучение отношения туземного населения к деятельности католических миссий не входит в задачи данного исследования. Здесь важно показать, как представлял миссионерскую деятельность французский колониальный идеолог Г. Шарм, и как его читатели вслед за ним представляли себе колониальный мир.

Г. Шарм, например, утверждал, что на Востоке невозможно светское образование, потому что религия играет огромную роль в жизни общества: «Мусульмане лучше будут водить детей в школу чужого Бога, чем в школу без Бога»⁵⁹. Наступит время, и человек не будет нуждаться в покровительстве сверхъестественных сил. Это произойдет тогда, когда «весь мир будет завоеван <...> и цивилизован»⁶⁰. Сейчас же нет смысла, по мнению Шарма, задумываться о том достойное ли это дело для Республики, поддержка католических миссий. Он не утвер-

⁵⁵ *Charme*. 1883b. P. 776.

⁵⁶ *Charme*. 1881. P. 777.

⁵⁷ *Ibid.* P. 777.

⁵⁸ *Charme*. 1883b. P. 767.

⁵⁹ *Ibid.* P. 779.

⁶⁰ *Charme*. 1883b. P. 785.

ждал, что католицизм имеет абсолютную ценность для всего мира. Правда для него была в том, что католицизм как «агент цивилизации» сослужит Франции неоспоримую службу везде, где Франция захочет закрепиться⁶¹. А если Франция откажется поддерживать католические миссии, то Италия, Испания, Германия и прочие страны сделают это. У Франции появлялось всё больше соперников. Снять французский флаг с завоёванных территорий значило пустить туда любую другую европейскую державу. Это повлекло бы за собой ослабление Франции. «Непреодолимое движение увлекает великие европейские нации на завоевание новых земель. Это как огромные скачки с препятствием на незнакомом пути»⁶², — так писал Ж. Ферри о развитии современной колонизации.

* * *

Пропаганда экспансии — основная цель работ Г. Шарма, посвященных колониальной политике. Националистическая риторика помогла ему в этом. Такие понятия, как «величие Франции», «патриотизм», «национальный долг», не были для него просто абстрактными понятиями. Они были наполнены конкретным содержанием. С помощью таких основополагающих понятий националистического дискурса как «общество», «нация», «отечество», «цивилизация» колониальные элиты пытались укрепить в обществе имперское самосознание. Термины «нация», «страна», «французский народ», «общество», «государство» то и дело употреблялись Г. Шармом как взаимозаменяемые. Таким образом, нация понималась им как политическое (гражданское) единство. Вместе с тем апелляция к прошлому (вспомним напоминание Г. Шарма о воинственных галлах), к коллективной памяти, к вере, чувствам говорит о его иррациональном «гердеровском» понимании нации как культурного единства, основанного на истории, языке, обычаях.

Ничто не сплачивает нацию лучше и не вдохновляет ее на новые свершения, чем чувство национальной гордости. Г. Шарм писал, что миссионеры прививают туземцам любовь к Франции, а арабская племенная верхушка, «почти вся, считает Францию самой великой страной Европы»⁶³. Трудно поверить в искренность арабов, если они вообще говорили подобное. Но в деле пропаганды все средства хороши. Обращаясь к публике, важно было отбирать слова. Умело воздействуя на нее, управляя ее воображением, талантливый публицист мог приобщить публику к своим идеям. Язык может пробудить в массах сильные чув-

⁶¹ Ibid. P. 784-785.

⁶² Tonkin et la mère-patris... 1890. P. 40.

⁶³ *Charme*. 1883d. P. 65.

ства и стойкие убеждения. В случае же империи язык, имел особое значение, поскольку большая часть населения никогда не была в колониях и могла познать их жизнь лишь в своем воображении.

Л. А. Пименова отмечает, что во Франции XVII в. национальные ценности были сакрализованы, а знаменитые проповедники одновременно взывали к патриотическим и религиозным чувствам подданных короля⁶⁴. В XIX в. национальный дискурс во Франции обмирщается, но в имперском дискурсе стало возможным использование одновременно националистической и религиозной риторики. Представляя публике католических миссионеров как «легион мирных завоевателей», а католицизм как «агента цивилизации», Г. Шарм связывал воедино имперский, национальный и конфессиональный дискурсы. Цивилизаторский аргумент в пользу колонизации приобретал конфессиональный акцент. «Империя», «величие нации», «католическая пропаганда» — эти понятия не исключали, а взаимно дополняли друг друга у Г. Шарма.

Много размышляя об интересах Франции в Средиземноморье⁶⁵, он считал, что любое завоевание необходимо готовить: создавать школы, больницы; обучать туземцев языку, ремеслам, обычаям Франции⁶⁶.

О «цивилизаторской миссии» Франции писали и говорили многие известные политики и общественные деятели (среди них Ж. Ферри, П. Леруа-Болье)⁶⁷. Особенно популярным стало осуждение рабства⁶⁸. В прессе велась активная аболиционистская пропаганда⁶⁹.

⁶⁴ Пименова. Указ. соч. С. 103-104.

⁶⁵ См.: *Charme*. 1882; *Charme*. 1883d.

⁶⁶ *Charme*. 1883b. P. 775.

⁶⁷ П. Леруа-Болье совместно с Э. Шёлшером возглавлял «Французское общество защиты туземцев колоний», от имени которого он требовал: предоставить арабам Алжира места в Законодательном собрании страны, увеличить кредиты на создание школ и миссий, прекратить ущемление прав туземцев Аннама и Камбоджи, окончательно отменить рабство, христианизировать языческое население чёрной Африки, терпеливо относиться к воинственному населению Сенегала, защитить права автохтонного населения на Мадагаскаре. См.: *Leroy-Beaulieu*. 1886. P. 338. Ж. Ферри был убеждён, что «несчастное население Африки стало счастливым, попав под протекторат французской нации», для которой «первым долгом и первым правилом» является борьба с работорговлей — «этой ужасной спекуляцией, рабством — этой подлостью». Цит. по: *Girardet*. 1972. P. 84.

⁶⁸ Об аболиционистском дискурсе см.: *Vergès*. 2001.

⁶⁹ Французские журналы публиковали многочисленные статьи, в которых разные авторы выступали за «морализацию и цивилизацию», за «возрождение Африки европейцами», и в том числе писали о роли миссионеров в борьбе с рабством. См.: *Thouvenin*. 1874.

К концу XIX в. в борьбу с рабством вступила католическая церковь. Интересно, что Г. Шарм оставил эту «модную» тему в стороне. Вероятно, это было связано с его терпимым отношением к чужим обычаям. Его главная идея, которую он отстаивал в своих статьях, состояла в том, что поддержка католических миссий Францией — залог ее международного престижа в мире. «Это правда, я в это действительно верю, что католические миссии, несмотря на критику в их адрес, являются одними из главных элементов нашего внешнеполитического могущества»⁷⁰. Он рассматривал деятельность католических миссионеров как составную часть цивилизаторской деятельности Франции, считая ее наиболее эффективной и патриотичной. Под цивилизаторской деятельностью он понимал распространение культурного влияния Франции в мире, которое должно было, прежде всего, повлечь за собой распространение ее политического и экономического влияния.

Призывы Г. Шарма к поддержке миссий, в конечном счете, не пропали бесследно. На Национальном колониальном конгрессе в декабре 1889 года особое внимание предлагалось уделить миссионерской деятельности Франции в Африке и Азии⁷¹. Миссии стали важным элементом культурной экспансии Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
- Бурбанк Д., Купер Ф. Траектория империи // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 47-85.
- Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М., 1977.
- Калхун К. Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: «Территория будущего», 2006.
- Пименова Л. А. Представления о национальной и религиозной идентичности во Франции XVIII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе, Средние века – Новое время / Под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индик, 2008. С. 97-126.
- Стереотипы в общественном сознании: (Социально-философские аспекты): Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1988.
- Томпсон Э. Язык империализма и различный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании 1895–1914 гг. // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 21-68.
- Хобсбаум Э. Век империи, 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998.
- Ageron Ch.-R. France coloniale ou partie coloniale?* Paris: PUF, 1978.

⁷⁰ *Charme*. 1883b. P. 791.

⁷¹ *Problems in the history of colonial Africa...* P. 174.

- Bancel N., Blanchard P., Vergès F.* La République coloniale, Essai sur une utopie. Paris, Albin Michel, 2003.
- Bell D. A.* The cult of nation in France: Inventing nationalism, 1680–1800. Cambridge (Mass.), L.: Harvard univ. press, 2001.
- Boissier G.* L’Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie. 1. Les indigènes // *Revue des Deux Mondes*. 1894. T. 121. 15 janv. P. 284-305, 764-787.
- Brunschwig H.* Mythes et réalités de l’impérialisme colonial français avant 1914. Paris: A. Colin, 1960.
- Caron J.-C., Vernus M.* L’Europe au XIX siècle. Des nations aux nationalismes 1815–1914. Paris: Armand Colin, 1996.
- Charme G.* L’insurrection militaire en Égypte. Le Triomphe du parti militaire // *Revue de Deux Mondes*. 1883a. T. 58. 15 août. P. 757-802.
- Charme G.* La France et le Protectorat Catholique en Orient // *Revue de Deux Mondes*. 1883b. T. 55. 15 févr. P. 760-797.
- Charme G.* La politique actuelle et la situation de l’Europe // *Revue de Deux Mondes*. 1883c. T. 59. 1 oct. P. 545-592.
- Charme G.* La politique coloniale // *Revue de Deux Mondes* 1883d. T. 60. 1 nov. P. 49-90.
- Charme G.* La République et les intérêts français en Orient // *Revue de Deux Mondes*. 1882. T. 53. 15 sept. P. 251-286.
- Charme G.* Voyage en Syrie. Impressions et souvenirs. Le Saint-Sulpice–Pèlerins et clergés // *Revue de Deux Mondes*. 1881. T. 45. 15 juin. P. 753-781.
- Charme G.* Un essai de gouvernement européen en Égypte. La formation du ministère anglo-français // *Revue de Deux Mondes*. 1879. T. 34. 15 août. P. 776-812.
- Deschamps L.* Histoire de la question coloniale en France. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1891.
- Drumont E.* La France juive, essai d’histoire contemporaine. Paris: C. Marpon et E. Flammarion, 1886.
- Ferro M.* Histoire des colonisations des conquêtes aux indépendances. XIII–XX siècle. Paris: Seuil, 1994.
- Ferry J.* Discours et opinions de Jules Ferry, publiés avec commentaires et notes, par Paul Robiquet. Paris: Colin, 1893–1898. T. 1-7. T. 5.
- Girardet R.* L’idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris: La Table Ronde, 1972.
- Girardet R.* Le Nationalisme français, 1874–1914. Paris: A. Colin, 1966.
- Guiral P.* Prevost-Paradol (1829–1870). Pensée et action libérale sous le Second Empire. Paris: Presses universitaires de France, 1955.
- Hardy G.* La politique coloniale et le partage de la terre aux XIX et XX siècles. Paris: Albin Michel, 1937.
- Histoire des colonies françaises et de l’expansion de la France dans le monde / Sous la direction de Hanotaux G. et Martineau A. Paris: Plon, 1929. T. 1.
- Jules Ferry. La République des citoyens / Présenté par O. Rudelle. Paris: Imprimerie Nationale, 1996. T. 2.
- Lavollée Ch.* La colonisation moderne // *Revue des Deux Mondes*. 1863. T. 43. 15 févr. P. 880-916.
- Le livre noir du colonialisme XVI–XXI siècle: de l’extermination à la repentance / Sous la dir. de M. Ferro. Paris: Hachette, 2003.

- Leroy-Beaulieu P.* De l'oeuvre colonisatrice de la France. Les écueils à éviter // *Economiste français*. 1882. № 47. P. 669-671.
- Leroy-Beaulieu P.* De la colonisation chez les peuples modernes. Paris: Guillaumin, 1874.
- Leroy-Beaulieu P.* La colonisation française et les voies ferrées dans le nord de l'Afrique // *Economiste français*. 1884. № 10. 8 mars. P. 281-283.
- Leroy-Beaulieu P.* Les progrès de la colonisation en Algérie // *Économiste français*. 1881. № 5. 29 janv. P. 125-127.
- Leroy-Beaulieu P.* Notre situation coloniale et nos procédés coloniaux // *Économiste français*. 1886. № 38. 18 sept. P. 337-339.
- Meyer J. Tarrade J., Rey-Goldzeiguer A., Thobie J.* Histoire de la France coloniale. Paris: A. Colin, 1991. T. 1. Des origines à 1914.
- Olivier Le Cour Grandmaison.* Coloniser, exterminer. Sur la guerre et l'Etat colonial. Paris: Fayard, 2005.
- Prevost-Paradol L.-A.* La France nouvelle. Paris: Michel Lévi, 1869.
- Problems in the history of colonial Africa. 1860–1960 / Edited by Robert O. Collins; Department of history University of California. Santa-Barbara. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1970.
- Ruscio A.* Le Credo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX–XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995.
- Schaub J.-F.* La catégorie «études coloniale» est-elle indispensable? // *Annales Histoire, Science sociale*. 2008. 63 anée. № 3, mai-juin. P. 625-646.
- Stora B., Hémerly D.* Histoire coloniale. Héritages et transmissions. Paris: Bibliothèque publique d'information, 2007.
- Thouvenin P.-D.* L'Esclavage à Zanzibare et la mission de sir Bartle frère // *Revue des Deux Mondes*. 1874. T. 5. 15 sept. P. 309-339.
- Tonkin et la mère-patrie. Témoignages et documents / Recueillis par L. Sentupery; Préface par J. Ferry. Paris: V. Havard, 1890.
- Vergès F.* Abolir l'esclavage. Une utopie coloniale Les ambiguïtés d'une politique humanitaire. Paris, Aldin Michel, 2001.

Моисеева Екатерина Николаевна, к.и.н., ассистент кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; moiseevaen@rambler.ru.